

УДК 821.161.1+281.93 (571)

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-69-3-112-119

«ИНОРОДЧЕСКИЙ ВОПРОС» В СОЧИНЕНИЯХ СИБИРСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

© Софья Мельникова

“SIBERIAN INDIGENOUS PEOPLE ISSUE” IN THE WRITINGS OF ORTHODOX MISSIONARIES IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: THE PROBLEM OF CULTURAL DIALOGUE

Sofya Melnikova

“The Siberian indigenous people issue” is a complex of relations between Russian colonizers of Siberia and its indigenous population. The article considers it as a factor determining the regional identity of Russian Siberians and the specificity of the Siberian text. This issue is structurally important for the spiritual literature of Siberia.

The article covers the development of the natives’ image from the works of the 17th – early 18th centuries (“Yesipov’s Chronicle” and “A Brief Description of the Ostyak People” by G. Novitsky, one of the first missionary travelogues) to similar texts of the late 19th century, such as “Traveling Notes” by Archbishop Nil (N. F. Isakovich).

The missionary travelogue is a version of the imperial colonizing travelogue, with its characteristic opposition of “ours” and “theirs” and the desire for the mental and physical appropriation of space and its transformation. At the same time, the texts reflect two approaches to colonization – the total Russification of the indigenous population and their Christianization while preserving their national languages and culture.

Particularly noteworthy are the works by indigenous priests, such as the “Memorable Testament” by Archpriest Michael Chevalkov. These texts are a rare example of the 19th century autochthonous literature, reflecting the process of the local intelligentsia formation. The problem of cultural dialogue is transferred in them into the realm of internal psychological and existential conflict and the author’s self-determination in relation to his own ethno-confessional identity.

Pre-revolutionary Siberian missionary literature is not yet sufficiently in demand as an object of philological research. By referring to it, we expand the source base for the study of the Siberian text. It allows us to identify new axiological meanings introduced by representatives of the clergy in the formation of Siberian identity.

Keywords: missionary literature, imperial travelogue, Siberian text, regional identity, Archbishop Nil (Isakovich), Archpriest Mikhail Chevalkov

«Инородческий вопрос» – комплекс взаимоотношений русских колонизаторов Сибири с ее коренным населением. В статье он рассматривается как фактор, определяющий региональное самосознание русских сибиряков и специфику сибирского текста. Структурообразующим данный вопрос является для духовной литературы Сибири.

В статье прослеживается развитие образа инородцев от сочинений XVII – начала XVIII века («Есиповской летописи» и «Краткого описания о народе остяцком» Г. Новицкого, которое определяется как один из первых миссионерских травелогов) до аналогичных текстов конца XIX века, в качестве примера которых рассматриваются «Путевые записки» архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича).

Миссионерский травелог представляет собой версию имперского колонизирующего травелога, с характерными для него оппозицией «своего» и «чужого» и стремлением к ментальному и физическому овладению пространством и его преобразованию. При этом в текстах отражаются два подхода к колонизации – тотальная русификация инородцев и их христианизация при сохранении национальных языков и культуры.

Особого внимания заслуживают сочинения священников – выходцев из среды коренного населения, такие как «Памятное завещание» протоиерея Михаила Чевалкова. Эти тексты представляют

редкий для XIX века пример автохтонной литературы и отражают процесс формирования местной интеллигенции. Проблема культурного диалога переносится в них в область внутреннего психологического и экзистенциального конфликта и самоопределения автора относительно собственной этноконфессиональной идентичности.

Дореволюционная сибирская миссионерская литература еще недостаточно востребована как объект филологических исследований, обращение к ней расширяет источниковую базу для изучения сибирского текста и позволяет выявить новые аксиологические смыслы, привносимые авторами из духовной среды в формирование сибирской идентичности.

Ключевые слова: миссионерская литература, имперский травелог, сибирский текст, региональное самосознание, архиепископ Нил (Исакович), протоиерей Михаил Чевалков

Сущность и границы сибирского текста в современном литературоведении определяются отражением в нем регионального самосознания [1], [2]. В сибирской историографии проблема самосознания впервые была поставлена областниками: Н. М. Ядринцев, по оценке его товарища Г. Н. Потанина, «положил начало общественному самосознанию Сибири» разработкой «пяти вопросов (отмена ссылки, университетский вопрос, защита от московской эксплуатации, вопросы переселенческий и инородческий)» [3, с. 112].

Важнейшим среди них можно назвать «инородческий вопрос», если понимать его как вопрос об отношении к «другому» – человеку иной культуры, языка, религии, нравственности, образа жизни, в контексте которого формировалось собственное региональное самосознание русских сибиряков. Эту взаимосвязь прекрасно раскрывает метафора, избранная как заглавная в известной книге американского этнографа русского происхождения Ю. Л. Слезкина «Арктические зеркала: Россия и малые народы севера» [4]. Инородцы (иноверцы, аборигены) – и есть те «арктические зеркала», в которых отражаются русские сибиряки: их представления о себе, цивилизации, человечестве. Инородческий вопрос неотделим и от пространственно-территориального – как процесса овладения чужой землей, предполагающего ее реальную и ментальную колонизацию.

При переводе на язык поэтики литературного произведения данные процессы и взаимосвязи трансформируются в представление о «хронотопичности» сибирского текста (с характерным для него образом границы, оппозицией «своего» и «чужого» и разнородной мифопоэтикой пространства), а также в концепт «другого» и проблему культурного диалога, выраженную в соответствующем типе конфликта.

В XVII–XIX вв., период активного освоения Сибири, ядром национальной идентичности для русских являлось Православие. И потому чужое пространство воспринималось, прежде всего, как иноверческое, в случае с Сибирью – языческое, требующее от человека-христианина определен-

ной стратегии поведения. Соответствующая провиденциальная концепция освоения Сибири была сформулирована уже в середине XVII в. в первых памятниках региональной словесности, созданных в Тобольском архиерейском доме, – «Синодике Ермаковым казакам», «Есиповской летописи» и др. Эта концепция, по мнению Е. К. Ромодановской, была «тесно связана с необходимостью доказывать права Русского государства на обладание Сибирью» [5, с. 102]. В ее свете колонизаторы, и прежде всего сам Ермак, изображались как святые христианские воины, а коренные народы как язычники – «проклятые неверные», «скверные варвары», то есть образы выстраивались по древнерусскому канону. Однако этикетное литературное переосмысление было далеко от реальности, в которой, как отмечает Слезкин, казаки «не ожидали найти ничего, кроме пушнины; <...> они не говорили об „иноземной вере“ как о низшей по сравнению с их собственной; они не относились к туземцам как к дикарям, варварам или язычникам; они не искали ничего, кроме дани...» [4, с. 36].

Более близкий к реальности образ коренных сибиряков впервые, на наш взгляд, создается в памятнике начала XVIII в. – «Кратком описании о народе остячком» Григория Новицкого [6]. Этот текст считается первым этнографическим сочинением о Сибири, написанным не иностранным автором. Однако в основе его лежит описание не научной экспедиции, а миссионерских поездок 1712–1715 гг. тобольского митрополита Филофея (Лещинского), в свиту которого входил Новицкий.

В XVII в. миссионерская деятельность не была системной, а обращения в христианство единичны. Но все изменилось с указами Петра I о массовом крещении сибирских аборигенов, в рамках которых и был вынужден действовать Филофей. Так, в указе от 1706 г. ему предписывалось сжигать языческих идолов, строить на их местах церкви и часовни, а всех жителей приводить к святому крещению «от мала до велика»; в указе 1710 г. – «ехать вниз по великой реке Оби до Березова и далее <...> и катища их разо-

рить», вместо которых *«часовни строить и святыи иконы поставляти, и их остояков приводить ко крещению <...> если кто остяки учинят противность сему нашему Великому Государю указу, тем будет казнь смертная»* [7, с. 413–414]. Крещение мыслилось как необходимое условие выхода номадов из их *«младенчества»* и восхождения к *«мужеству»* (в терминологии В. Н. Татищева) [8, с. 70], в соответствии с теорией исторического прогресса, проникающей в это время в Россию. Миссионер становился представителем не только Церкви, но и Государства как двух властных цивилизующих структур, а само крещение приобретало характер религиозной войны.

И действительно, владыка Филофей, как описано это у Новицкого, отправляется к осякам и вогулам в сопровождении военной команды, а сама миссионерская кампания представляет, по сути, ряд вооруженных столкновений, в которых появляются и жертвы. Преобладающей эмоцией осяков, как и вогулов, и в этом видится реалистичность описания, является страх, провоцирующий агрессию. И принятие крещения для них – по большей части следствие покорности силе обстоятельств.

Но Новицкому удастся смягчить, или одухотворить конфликт: в его описании Филофей всегда *«увещает тихо»* и проявляет милосердие к покушавшимся на него, что производит на «дикарей» большое впечатление – крещение осуществляется не только огнем и мечом, но и словом. Филофей же смотрит на осяков и вогулов не как на врагов, но как на детей и будущих духовных чад. Эта позиция станет эталонной для всех последующих миссионеров. Образ самого миссионера-священника в такой трактовке соотносится с образом апостольским как формой своего идеологического и эстетического завершения, что поддерживается отсылкой к житию св. Стефана Пермского и Деяниям апостолов.

«Краткое описание о народе осяцком» можно считать первым миссионерским травелогом. В дальнейшем, во второй половине XVIII–XIX вв., с развитием в это время сибирских и восточных духовных миссий, травелог становится одним из основных типов текста в миссионерской и в целом духовной среде. В основе большинства описаний лежат миссионерские отчеты (или журналы), составление которых входило в служебные обязанности миссионеров и строго контролировалось – начальниками миссий и Св. Синодом, в архив которого эти отчеты в итоге и поступали. С появлением во второй половине XIX в. сибирской епархиальной периодики избранные тексты стали активно публиковаться, что делало их уже

фактом регионального историко-литературного процесса.

В результате сформировался обширный, по меркам дореволюционной региональной литературы, корпус текстов. Так, в указателе «Русский травелог XVIII – начала XX веков» [9], по нашим подсчетам, отражено не менее 400 текстов, составленных сотрудниками сибирских и восточных духовных миссий, а также другими представителями местного православного духовенства, в том числе архиереями, совершавшими поездки с миссионерскими целями.

Именно миссионерские травелоги являются основным источником исторических и этнографических сведений об инородцах. При этом многие тексты перерастают жанр официального отчета и поднимаются на иные уровни обобщения – научного, публицистического и собственно литературно-художественного, давая не только информацию о коренных народах Сибири, но формируя их образ.

Ярким примером миссионерского литературного путешествия являются «Путевые записки» высокопреосвященного Нила (Н. Ф. Исаковича, 1799 (1796)–1874), архиепископа Ярославского и Ростовского, в 1838–1853 гг. архиепископа Иркутского и Нерчинского (1838–1853). «Путевые записки» были опубликованы в 1874 г. в Ярославле, но отражают события 1838–1843 гг. Книга включает три части: «От Вятки до Иркутска», «Путешествие в Якутский край» и «От Якутска до Иркутска».

Сибирь для Нила, уроженца Могилевской губернии, долгое время жившего в центральной России, являлась изначально чуждым пространством. Первые впечатления о ней, описанные в «Путевых записках», – пустота, уныние, убожество городов, контраст между природными богатствами и их бездарным использованием, скудость в святынях и сакральных объектах. И инородцы – это персонификация сибирского пространства как образа чужого. Их главная характеристика – нецивилизованность:

«Народ <«вотяки»>, лишенный всякого понятия о достоинстве человеческой природы <...>, способен ли к приятию высоких истин христианского вероучения? <...> для приведения невежествующих к христианскому благочестию и верованию надлежало бы попечиться об озарении ума их наукою» [10, с. 30];

«Смотря на киргизское племя, не раз спрашивал я себя: как могли пройти для народа сего тысячелетия, не подвинув его ни на шаг вперед на пути образования и цивилизации?» [Там же, с. 44].

С начала освоения Сибири до середины XIX в., времени, когда Нил создает свои записки, от-

ношение к сибирским инородцам в российском общественном сознании успевает пройти несколько важных стадий, выделенных, в частности Ю. Л. Слезкиным. Петровские реформы создают условия для научного изучения Сибири: в начале XVIII в. в регион отправляются европейские ученые, в трудах которых автохтоны становятся предметом научного описания и классификации, так возникает объективирующий, «овеществляющий» взгляд на них. К концу XVIII в., в связи с развитием просветительских идей, в том числе просветительской теории линейного прогресса, и сентиментализма, формируется представление о «диких» народах, находящихся на низшей стадии исторического и нравственного развития («живых предках»), но заслуживающих тем не менее сочувствия цивилизованного общества. Например, ссыльный А. Н. Радищев в письме из Иркутска к гр. А. Р. Воронцову рассуждает о «*блаженстве естественного состояния*», в котором пребывают народы, «*ежели и неразумные, то, по крайней мере, чувствующие и страдающие*» [11, с. 424–425].

Подобные воззрения стали обоснованием патерналистской политики, отрицавшей возможность самостоятельного, без опеки русских, исторического пути их развития [12], [13].

Сибирская тема в русскую литературу входит в середине XVIII в. (оды М. В. Ломоносова, письма А. Н. Радищева, упоминания в пьесах Д. И. Фонвизина) и становится популярной на волне развития романтизма в начале XIX в. (думы и поэмы К. Ф. Рыльева, «В Сибирь» А. С. Пушкина и др.). В это же время, в 1820–30-е гг. появляется и собственно сибирская литература, создаваемая писателями-сибиряками или выходцами из Сибири (повести А. Н. Полевого, романы И. Т. Калашникова) [3, с. 18–41], [14], [15].

В создаваемом этой литературой образе инородца «дикость» и примитивность никуда не исчезает, но антитезой к ним изображается тесная связь с природой, простота и наивность, умение сопротивляться суровым условиям и довольствоваться скудным кочевым бытом, тяга к свободе, в духе последних могижан Ф. Купера. «Подобное сочетание презренного и прекрасного стало каноническим в начале века и оставалось общепринятым более ста лет <...> „вольные“ и беззаботные кочевые народы считались морально выше оседлых; а всеобщими любимцами из числа кочевников оставались „бодрые“ и гордые тунгусы (эвенки)» [4, с. 338].

Текст архиепископа Нила соединяет в себе, по сути, все эти тенденции, а в итоге отражает стандартный взгляд интеллигентного европейца середины XIX в.: коренные сибиряки – это «ди-

кие» племена, с убогим бытом и примитивными религией и нравственностью. Однако они вызывают сострадание и чувство ответственности и даже вины у него как представителя цивилизации: «*как ни грубы номады <в этом случае – якуты>, но все-таки они люди*» [10, с. 158]. Так, в описании миссионерской поездки по Лене 1843 г. имеется множество эмоциональных указаний на бедственное положение якутов: голод, доводящий до поедания сосновой коры, эпидемии, вопиющую нищету. И Нил задается вопросом: «*Ужели ни в область науки, ни цивилизации не входит забота об изведении племен из состояния дикости?*» [Там же, с. 157].

В «Путевых записках» имеют место и антиномичность, и дифференциация, и романтизация образов инородцев. Наиболее примитивными изображаются якуты, наиболее возвышенными – тунгусы:

«Тунгусы здешние, входя в касту бродячих племен, не привязуются ни к какой определенной местности. Одна природа назначает границы их странствию... За всем тунгус благопокорен, честен, гостеприимен и, будучи всегда и везде странником и пришлецом, смотрит на все оком того бесстрастия, которое одно лишь ставит человека превыше всех превратностей судьбы» [10, с. 109–110].

В историю русской литературы архиепископ Нил вошел как прототип главного героя миссионерского рассказа Н. С. Лескова «На краю света», названный самим писателем. Основное событие рассказа – это открытие «другого»: обнаружение православным епископом в «темняке» якуте более совершенного христианина, нежели он сам, и возникновение подлинного духовного диалога между представителями двух культур. Образ инородца в финале приобретает почти иконописный вид (в видении снежного ангела архиереям), то есть маргинальный «другой» трансформируется фактически в Христа, явившегося на краю света. По мнению Ольги Майоровой, подобная «инверсия сакрального и профанного и воплощение „русского Христа“ в инородце маркируют имперскую окраину как русскую, а православие – как скрепляющий элемент империи» [16], то есть лесковский рассказ приобретает имперский пафос.

В биографии реального архиепископа Нила, однако, не было случая, подобного описанному в рассказе; близких к рассказу Лескова мыслей о изначальном духовном совершенстве инородцев и изначальном присутствии в них Христа, в его сочинениях обнаружить также не удалось [17]. Но вера в возможность и необходимость христианского просвещения коренных народов Сибири

как скорейшего пути их инкорпорации в российскую культуру, безусловно, была ему присуща:

«...Пора и пора номадам нашим начать исход, как из некоего Египта, из облажающего их мрака и идти вслед народов, а паче Православной Руси, к нравственному, умственному и материальному преспеянию...» [10, с. 161].

Миссионерский травелог Нила, таким образом, представляет собой версию имперского травелога [18], [19], с характерной для него оппозицией «своего» и «чужого», взглядом на колонизируемое пространство как «варварское, нестабильное, становящееся» и задачей его «ментальной колонизации»¹, которая у Нила, как и других миссионеров, сводится к «воображаемой» географии Сибири как будущего пространства христиански просвещенных народов.

Понятие имперского травелога, и в целом имперскости как идеологической установки, может быть распространено и на сочинения других авторов из миссионерской среды.

Несмотря на то, что Сибирь была формально присоединена к России еще в XVI – начале XVII в., миссионерский травелог XIX в. являлся еще не *колониальным*, но *колонизирующим*. При этом существовали два пути колонизации. Один из них сводился к тотальной русификации и фактически уничтожению национальных культур. Его апологетом и идеологом был, в частности, высокопреосвященный Вениамин (В. А. Благонравов, 1825–1892), бывший профессор Казанской духовной академии, начавший свое служение в Восточной Сибири в 1862 г. как глава Забайкальской духовной миссии и с 1873 г. возглавлявший Иркутскую и Нерчинскую епархию. Его позиция, обоснованная в ряде научных и публицистических трудов, в основе своей имеющих все те же путевые отчеты, сводилась к тому, что:

«В отношении к иноверцам православие должно вести борьбу не просто с чужою верою, но и с чужою национальностью, с нравами, привычками и всею обстановкой обыденной жизни инородцев, убеждать их в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими. Эта перемена в их глазах есть такое условие, без которого нельзя быть настоящим христианином...» [21, с. 7].

Архиепископ Вениамин очевидно не испытывал интереса к инородческой культуре. Показательно, что в «Автобиографии» [22], раскрывающей его становление сначала как монаха, а

затем как миссионера, фактически отсутствует фигура представителя коренных народов.

Но позиция владыки Вениамина противоречила практике большинства выдающихся миссионеров XIX в.: архимандрита Макария (Глухарева), основателя Алтайской духовной миссии, святителя Иннокентия (Вениаминова), первого Камчатского епископа, прославленного как апостол Сибири и Америки, Дионисия (Хитрова), первого якутского епископа, профессора Казанской академии Н. И. Ильминского и др. Все они настаивали на более мягкой и постепенной христианизации коренных народов, которая бы не разрушала их языка и культуры. В травелогах эта позиция проявлялась в большом количестве этнографических описаний, внимании к фольклору, верованиям и быту инородцев.

Высшим гуманитарным результатом такого типа колонизации могло быть формирование местной интеллигенции из числа инородцев. Выдающимся пример такого интеллигента – протоиерей Михаил Васильевич Чевалков (1817–1901).

Телеут по происхождению, Чевалков был духовным учеником архимандрита Макария (Глухарева), от которого принял крещение и под началом которого служил в Алтайской миссии толмачом. Впоследствии он сам стал миссионером и священником. Сегодня Чевалков известен как переводчик, фольклорист и первый алтайский писатель, чье имя носит Национальная библиотека Республики Алтай. Автобиографическое «Житие Чевалкова», составленное им самим в 1860-е гг. на наречии телеутов ойротского (ныне алтайского) языка, признано первым произведением алтайской литературы. В 1894 г. оно было опубликовано на русском языке под названием «Памятное завещание» [23].

«Завещание...» – это пример взгляда на инородческую тему извне и изнутри. Автор – православный священник, взрослый человек, но в своих воспоминаниях он – юноша-язычник, переживающий экзистенциальный кризис и постепенно переходящий из «черной» веры алтайцев в христианство.

Как священник, Чевалков мыслит языком и канонами церковной литературы, не случайно он составляет не автобиографию, а «житие», с соответствующим комплексом мотивов [24]: конфликт подвижника с семьей и в целом со средой, уход из дома, испытания и скорби, принятые автором от алтайцев-язычников, предсказания, чудеса, видения. Большое место занимает образ учителя – преподобного Макария, который изображается в традициях патерика.

¹ О других особенностях изображения сибирского пространства у Нила, в частности характерной для имперского травелога «ре-номинации», см.: [20].

Повествование распадается на две части: первая, собственно автобиографическая, повествует о переходе Чевалкова в христианство, вторая – о его деятельности как миссионера: она строится как травелог, в котором наблюдается иная точка зрения, направленная преимущественно вовне. Много внимания уделяется быту и обычаям алтайцев, но описывает их Чевалков как человек обрусевший и, более того, этнограф. Этнографический интерес служит маркером отстранения. Многие обычаи и нравы земляков Чевалкову уже отвратительны и дики. Набор типичен для миссионерских записок: грязь, эксплуатация женщин, жестокость по отношению к животным, дикие обряды жертвоприношения.

Однако немаловажный факт, что «житие» написано не на русском, а на алтайском языке. И даже в русском переводе сохраняет связь с народным мифопоэтическим сознанием, что проявляется и в апелляции к родовой памяти, и в особом ощущении пространства, с оппозицией сакрального и профанного, и в языке, с характерными метафорами и сравнениями: «*Тубинцы ...боязливы, как зайцы и молчаливы, как рыба*» [23, с. 49]. Связь с родным языком и культурой составляет сильную сторону творчества Чевалкова и придает ему неповторимое стилевое своеобразие. Таким образом, моделируется ситуация не столько культурного конфликта, сколько синтеза.

«Повествование Чевалкова предлагает позитивный пример судьбы инородца <...> сам факт присутствия православной миссии на Алтае дает ему, человеку, рожденному в языческой среде, возможность выбора иного жизненного сценария, избавляет от предопределенности» [25, с. 100]. Взгляд его на русских – это взгляд ученика на учителей, с которыми в конечном счете он оказывается на одном уровне, а в исторической перспективе и превосходит многих из них.

Инородческая тема, таким образом, является структурообразующей в сибирской миссионерской литературе XIX в. Избранные миссионерские травелоги могут рассматриваться как литературные тексты. Образ инородца в них – неотъемлемая часть образа Сибири: он помогает подчеркнуть ее культурное и природное своеобразие, создать ощущение границы миров, поставить проблему отношения к «другому». Однако примеров равноправного культурного диалога с инородцами в их сочинениях нам обнаружить не удалось. В целом миссионеры не выходят за рамки официальной государственной патерналистской политики, и их травелоги являются версией имперского колонизирующего травелога, хотя большинство из авторов и придерживается

сходящего варианта колонизации, позволяющего сохранить национальные культуры и языки.

Отдельного рассмотрения заслуживают сочинения православных миссионеров – выходцев из коренного населения Сибири. Проблема культурного диалога переносится в них в область внутреннего психологического и экзистенциального конфликта и самоопределения автора относительно собственной культурной и этноконфессиональной идентичности.

Список источников

1. Сибирский текст в русской культуре. Сб. статей / ред.-сост. А. П. Казаркин. Томск: Сибирика, 2003. 271 с.
2. Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Сб. науч. докладов / под ред. И. И. Плехановой. Иркутск: Изд-во МИОН, 2004. 327 с.
3. Потанин Г. Н. Избранное / сост. А. П. Казаркин. Томск: Томская писательская организация, 2014. С. 93–126.
4. Слезкин Ю. Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы севера / пер. с англ. О. Леонтьева. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 740 с.
5. Ромодановская Е. К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука, 2002. 390 с.
6. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году / Изд. Л. Майкова. СПб.: Об-во любителей древней письменности, 1884. 116 с.
7. Памятники сибирской истории XVIII века: в 2 кн. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1882. Кн. 1. 1700–1713. 551 с.
8. Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 51–132.
9. Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т. И. Печерской; сост.: А. А. Богодерова [и др.]. Новосибирск: Немо Пресс, 2018. 829 с.
10. Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Исаковича) / авт.-сост. С. В. Мельникова. Иркутск: Изд-во ИОГУНБ, 2018. 351 с.
11. Радищев А. Н. Полное собрание сочинений в трех томах. М.; Л.: АН СССР, 1959. Т. 3. 676 с.
12. Самрина Е. В. Эпоха просвещения и сибирские инородцы: истоки политики патернализма // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 4 (12). С. 66–70.
13. Ковалышкина Е. П. «Инородческий вопрос в Сибири»: Концепция государственной политики и властная мысль. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 326 с.
14. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Вып. 1. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 203 с.
15. Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1970. 403 с.

16. Майорова О. Маркеры русскости в имперском пространстве: парадоксы рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/markery-russkosti-v-imperskom-prostranstve.html> (дата обращения: 02.06.2022).
17. Мельникова С. В. К вопросу о прототипе главного героя рассказа Н. С. Лескова «На краю света» // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 451–462.
18. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: советский путевой очерк 1920–1930-х годов: монография. СПб.: Изд-во СПбГУТД, 2011. 275 с.
19. Пономарев Е. Р. Русский имперский тревелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/russkij-imperskij-travelog.html> (дата обращения: 02.06.2022).
20. Мельникова С. В. «В кораблике моем горит свеча...»: Образ реки в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н. Ф. Исаковича) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 110–133.
21. Вениамин (Благодравов В. А.), архиеп. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1885. 75 с.
22. Вениамин (Благодравов В. А.), архиеп. Автобиография Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского. Иркутск: Изд-во Братства св. Иннокентия Иркутского, 1913. 55 с.
23. Чевалков М. Памятное завещание: Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1894. 94 с.
24. Чинина Э. П. М. В. Чевалков – миссионер-просветитель, писатель Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 1. С. 70–72.
25. Мельникова С. В. Человек фронта в сочинениях сибирского православного духовенства // Литература Сибири в социокультурном пространстве. Материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. С. 93–103.
6. Novitskii, G. (1884). *Kratkoe opisanie o narode ostiatskom, sochinennoe Grigoriem Novitskim v 1715 godu* [A Brief Description of the Ostyak People by Grigory Novitsky in 1715]. Izd. L. Maikova. 116 p. Sankt-Petersburg, Obshchestvo liubitelei drevnei pis'mennosti. (In Russian)
7. *Pamyatniki sibirskoi istorii XVIII veka : v 2 kn.* (1882) [Siberian History Monuments of the 18th Century: In 2 Books]. Kn. 1. 1700–1713. 551p. St. Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian)
8. Tatishchev, V. N. (1979). *Razgovor dvukh priiatelei o pol'ze nauki i uchilishchakh* [A Conversation between Two Friends about the Benefits of Science and Schools]. In: Tatishchev V. N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Pp. 51–132. Leningrad, Nauka. (In Russian)
9. *Russkii travelog XVIII – nachala XX vekov: annotirovannyi ukazatel'* (2018) [Russian Travelogues of the 18th and Early 20th Centuries: An Annotated Index]. Pod red. T. I. Pecherskoi ; sost.: A. A. Bogoderova [i dr.]. 829 p. Novosibirsk, Nemo Press. (In Russian)
10. *Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoi Sibiri XVIII – nachala XX veka. Putevye zapiski arkhiepiskopa Nila (Isakovicha)* (2018) [Orthodox Spiritual Writers of Eastern Siberia of the 18th– Early 20th Centuries. Travel Notes of Archbishop Nil (Isakovich)]. Avt.-sost. S. V. Mel'nikova. 351 p. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskoi oblastnoi gosudarstvennoi universal'noi nauchnoi biblioteki. (In Russian)
11. Radishchev, A. N. (1959). *Polnoe sobranie sochinenii v trekh tomakh* [Complete Works in Three Volumes]. T. 3. 676 p. Moscow, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR. (In Russian)
12. Samrina, E. V. (2015). *Epokha prosveshcheniya i sibirskie inorodtsy: istoki politiki paternalizma* [The Era of Enlightenment and Indigenous People of Siberia: The Origins of the Paternalism Policy]. Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya, No. 4 (12), pp. 66–70. (In Russian)
13. Kovalyashkina, E. P. (2005). *“Inorodcheskii vopros v Sibiri”: Kontseptsiya gosudarstvennoi politiki i oblastnicheskaya mysl'* [“Siberian Indigenous People Issue”: The Concept of State Policy and Regional Idea]. 326 p. Tomsk, izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
14. Azadovskii, M. K. (1947). *Ocherki literatury i kul'tury v Sibiri. Vyp. 1.* [Essays on Literature and Culture in Siberia, Issue 1]. 203 p. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. (In Russian)
15. Postnov, Yu. S. (1970). *Russkaya literatura Sibiri pervoi poloviny XIX v.* [Russian Literature of Siberia in the First Half of the 19th Century]. 403 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)
16. Maiorova, O. (2017). *Markery russkosti v imperskom prostranstve: paradoksy rasskaza N. S. Leskova “Na kraiu sveta”* [Markers of Russianness in Imperial Space: Paradoxes of N. S. Leskov's Short Story “At the End of the World”]. Novoe literaturnoe obozrenie, No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/markery-russkosti-v-imperskom-prostranstve.html> (accessed: 02.06.2022). (In Russian)
17. Mel'nikova, S. V. (2013). *K voprosu o prototipe glavnogo geroia rasskaza N. S. Leskova “Na kraiu sveta”*

References

1. *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture* (2003) [The Siberian Text in Russian Culture]. Sb. Statei. Red.-sost. A. P. Kazarkin. 271 p. Tomsk, Sibirika. (In Russian)
2. *Sibir': vzgliad izvne i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* (2004) [Siberia: A View from Outside and Inside. Spiritual Dimension of Space]. Sb. nauch. dokladov Red. I. I. Plekhanova. 327 p. Irkutsk, Mezhhregional'nye issledovaniya v obshchestvennykh naukakh. (In Russian)
3. Potanin, G. N. (2014). *Izbrannoe* [Selected Works]. Sost. A. P. Kazarkin. 399 p. Tomsk, Tomskaya pisatel'skaya organizatsiya. (In Russian)
4. Slezkin, Iu. L. (2008). *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Ethnic Minority of the North]. Per. s angl. O. Leont'eva. 740 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
5. Romodanovskaya, E. K. (2002). *Sibir' i literatura: XVII vek* [Siberia and Literature: The 17th Century]. 390 p. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)

[On the Subject of the Protagonist Prototype in Leskov's Story "At the End of the World"]. *Voprosy literatury*, No. 4, pp. 451–462. (In Russian)

18. Ponomarev, E. R. (2011). *Tipologiya sovetskogo putestestviya: sovetskii putevoi ocherk 1920–1930-kh godov: monografiya* [Typology of the Soviet Journey: The Soviet Travel Essay of the 1920s and 1930s: A Monograph]. 275 p. St. Petersburg, izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. (In Russian)

19. Ponomarev, E. R. (2017). *Russkii imperskii travelog* [Russian Imperial Travelogue]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2017/2/russkij-imperskij-travelog.html> (accessed: 02.06.2022). (In Russian)

20. Mel'nikova, S. V. (2022). "V korablike moem gorit svecha...": *Obraz reki v "Putevykh zapiskakh" arkhiepiskopa Nila (N. F. Isakovicha)* ["A Candle Is Burning in My Boat": The Image of River in "The Travel Notes" of Archbishop Nil (N. F. Isakovich)]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, Vol. 20, No.1, pp. 110–133. (In Russian)

21. Veniamin (Blagonravov, V. A.), arkhiep. (1885). *Zhiznennye voprosy pravoslavnoi missii v Sibiri* [Vital Is-

sues of the Orthodox Mission in Siberia]. 75 p. St. Petersburg, Tipografiya A. M. Kotomina. (In Russian)

22. Veniamin (Blagonravov, V. A.), arkhiep. (1913). *Avtobiografiya Vysokopreosviashchennogo Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo* [Autobiography of His Eminence Benjamin, Archbishop of Irkutsk]. 55 p. Irkutsk, Izdatel'stvo Bratstva sv. Innokentiya Irkutskogo. (In Russian)

23. Chevalkov, M. (1894). *Pamiatnoe zaveschchanie: Avtobiografiya missionera Altaiskoi dukhovnoi missii* [A Memorable Testament: An Autobiography of a Missionary of the Altai Spiritual Mission]. 94 p. Moscow, Tipografiya A. I. Snegirevoi. (In Russian)

24. Chinina, E. P. (2008). *M. V. Chevalkov – missioner-prosvetitel', pisatel' Altaia* [M. V. Chevalkov – a Missionary – an Educator, a Writer of Altay]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, No. 1, pp. 70–72. (In Russian)

25. Mel'nikova, S. V. (2022). *Chelovek frontira v sochineniiakh sibirskogo pravoslavnogo dukhovenstva* [The Frontiersmen in the Writings of Siberian Orthodox Clergy]. *Literatura Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve. Materialy vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii*. Pp. 93–103. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

The article was submitted on 03.06.2022

Поступила в редакцию 03.06.2022

Мельникова Софья Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
главный научный сотрудник,
Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И. И. Молчанова-Сибирского,
664033, Россия, Иркутск,
Лермонтова, 253;
докторант,
Национальный исследовательский Томский
государственный университет,
634000, Россия, Томск,
Ленина, 36.
memuaristika@yandex.ru

Melnikova Sofya Vladimirovna,
PhD in Philology,
Associate Professor,
Chief Researcher,
Irkutsk Regional State Universal Research
Library n.a. I. I. Molchanov-Sibirsky,
253 Lermontov Str.,
Irkutsk, 664033, Russian Federation;
doctoral student,
National Research Tomsk State University,
36 Lenin Str.,
Tomsk, 634000, Russian Federation.
memuaristika@yandex.ru